

Э.А. Воробьева*

E.A. Vorobeva*

**Как поссорились Дмитрий Васильевич
и Ростислав Александрович:
деятельность органов власти Дальнего
Востока в условиях хлебного кризиса
1905 г. (по материалам РГИА ДВ)**

**The Tale of How Dmitry Vasilievich
Quarreled with Rostislav
Aleksandrovich: the activities of the
authorities of the Far East under
conditions of grain crisis of 1905 (based
on materials from the Russian State
Historical Archive of the Far East)**

DOI: 10.31518/2618-9100-2019-6-3

DOI: 10.31518/2618-9100-2019-6-3

УДК 947

Выходные данные для цитирования:

How to cite:

Воробьева Э.А. Как поссорились Дмитрий Васильевич и Ростислав Александрович: деятельность органов власти Дальнего Востока в условиях хлебного кризиса 1905 г. (по материалам РГИА ДВ) // Исторический курьер. 2019. № 6 (8). С. 38–51. URL: <http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-6-03.pdf>

Vorobeva E.A. The Tale of How Dmitry Vasilievich Quarreled with Rostislav Aleksandrovich: the activities of the authorities of the Far East under conditions of grain crisis of 1905 (based on materials from the Russian State Historical Archive of the Far East) // Historical Courier, 2019, No 6 (8). P. 38–51. [Available online:] <http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-6-03.pdf>

Abstract. The article discusses the activities of the authorities of the Far East under conditions of the grain crisis of 1905 that arose in connection with the Japanese-Russian War of 1904–1905. The key reason for the crisis was the Manchurian army Commander-in-Chief A.N. Kuropatkin's ban on the export of grain from Manchuria for the needs of population of the Far East. Under these conditions, the Amur Region turned out to be the only grain supplier for the entire Far East. Local authorities of the Far East (food commissions of the cities of the Primorsky region, mayors, the governor of the Primorsky region A.M. Kolyubakin, etc.) began to besiege the office of the Amur governor-general with requests to allow the export of bread and fodder for the needs of their population. In most cases, their requests were gratified. In turn, the military governor of the Amur region D.V. Putyata stated that the satisfaction of all requests would lead to a catastrophic shortage of grain in the Amur region, and demanded that the Amur governor-general R.A. Khreschatitsky immediately ban the export of grain from his region. The total number of requests for grain and fodder by June 1905 had amounted to almost 1.2 million pounds of flour and 1.3 million pounds of oats, while the free availability of flour and grain in the Amur Region (as estimated by the Amur Regional Food Committee) was 300 thousand pounds of flour and 315 thousand pounds of oats. The correspondence between Dmitry Vasilyevich Putyata and Rostislav Aleksandrovich Khreschatitsky began to be very stressful. Putyata argued that there was not enough grain in the Amur Region, and the policy of the governor-general could lead to disastrous consequences for the population of the region, and Khreschatitsky in response stated that Putyata was providing incorrect information, and demanded to give bread to the needy areas of the Far East. The situation was aggravated by the position of the Amur flour millers, who preferred to sell flour "to the side" (in neighboring regions), because could get best prices for it there. In June-July 1905, D.V. Putyata banned the sale of grain from the region many times, but it was still carried out, and as a result the Food Commission of Blagoveshchensk declared that it had to refuse to collect information on the availability of essential goods and monitor their export. In general, all authorities demonstrated

* Воробьева Эвелина Александровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политологии, Новосибирский государственный технический университет (Новосибирск, Россия), e-mail: tinva@yandex.ru
Vorobeva Evelina A., Candidate of Historical Sciences, docent of the History and Political Science Department, Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russia), e-mail: tinva@yandex.ru

their inefficiency in the situation of the grain crisis. It was solved in September 1905, when the new commander of the Manchurian army, N.P. Linevich, allowed the free purchase of cattle and provisions in Manchuria. Only then the shortage of bread was over.

Keywords: history of the Far East; Russo-Japanese war of 1904–1905; food crisis; authorities; society.

The article has been received by the editor on 02.09.2019.

Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье рассматривается деятельность органов власти Дальнего Востока в условиях хлебного кризиса 1905 г., возникшего в связи с Русско-японской войной 1904–1905 гг. Ключевой причиной кризиса оказался запрет главнокомандующего Маньчжурской армии А.Н. Куропаткина на вывоз зерновых из Маньчжурии для нужд населения Дальнего Востока. В этих условиях единственным поставщиком зерновых для всего Дальнего Востока оказалась Амурская область. Местные власти Дальнего Востока (продовольственные комиссии городов Приморской области, городские головы, губернатор Приморской области А.М. Колубакин и т. д.) стали осаждать канцелярию Приамурского генерал-губернатора просьбами разрешить вывоз хлеба и фуража для нужд их населения. В большинстве случаев их заявки удовлетворялись. В свою очередь, военный губернатор Амурской области Д.В. Путята заявлял, что удовлетворение всех заявок приведет к катастрофическому дефициту зерновых в Амурской области, и требовал от Приамурского генерал-губернатора Р.А. Хрещатицкого немедленно запретить вывоз зерновых из его области. Переписка между Дмитрием Васильевичем Путятой и Ростиславом Александровичем Хрещатицким стала носить весьма напряженный характер. Путята доказывал, что зерновых в Амурской области недостаточно, и политика генерал-губернатора может привести к катастрофическим последствиям для населения области, а Хрещатицкий в ответ заявлял, что Путята представляет неверные сведения, и требовал отдать хлеб в нуждающиеся местности Дальнего Востока. Ситуация усугублялась позицией амурских мукомолов, которые предпочитали сбывать муку «на сторону» (в соседние области), т. к. могли выручить за нее больше денег. Д.В. Путята в июне–июле 1905 г. неоднократно запрещал продажу зерновых за пределы области, но она все равно производилась, по поводу чего Продовольственная комиссия г. Благовещенска вынесла постановление, что она вынуждена отказаться от собирания сведений о наличии предметов первой необходимости и наблюдения за их вывозом. В целом, все органы власти продемонстрировали в ситуации с хлебным кризисом свою неэффективность. Преодолен он был лишь по окончании войны, в сентябре 1905 г., когда новый командующий Маньчжурской армии Н.П. Линевиц разрешил свободную покупку скота и провианта в Маньчжурии. Только тогда с дефицитом хлеба было покончено.

Ключевые слова: история Дальнего Востока; Русско-японская война 1904–1905 гг.; продовольственный кризис; власть; общество.

Русско-японская война 1904–1905 годов вызвала в Сибири и на Дальнем Востоке острый продовольственный кризис (дефицит продуктов и резкий рост цен на них). Объяснялся он целым рядом причин. Во-первых, единственная железная дорога региона (Транссибирская магистраль) была занята перевозкой военных грузов, соответственно, перевозка грузов для населения была сильно сокращена, а в отдельные периоды вовсе прекращалась. Во-вторых, масштабные закупки продовольствия в пользу армии вызвали его нехватку для населения региона. Эта ситуация усугублялась, если руководством армии принималось решение о запрете коммерческих (для нужд населения) закупок в Маньчжурии. В-третьих, на ситуацию также влияли недобросовестные действия лиц, причастных к продовольственному вопросу (взятничество работников железной дороги, спекуляции промышленников и торговцев и т. д.).

О проблемах, которые породила Русско-японская война в Сибири и на Дальнем Востоке (в том числе о продовольственных кризисах) писали М.В. Шиловский, Ю.А. Фабрика, Ю.П. Горелов, А.А. Голик, Т.А. Катцина, М.А. Ширшов¹. Однако указанные исследователи почти не затрагивают вопрос, как с возникшими из-за войны проблемами пытались бороться (и пытались ли вообще) органы власти – как местные, так и центральные. Между тем, ответ на этот вопрос, как нам представляется, дает возможность раскрыть весьма примечательные механизмы взаимодействия власти и общества в Российской империи начала XX века, а также показать, как высшая власть, нацеленная на дальнейшее расширение империи, относилась и к войне, и к собственному населению.

Для начала посмотрим, как с возникшим продовольственным кризисом (приобретавшим в ряде случаев драматический и даже катастрофический характер) пытались бороться местные власти разных уровней. В целом с началом войны по распоряжению губернаторов областей и/или генерал-губернаторов стали создаваться т.н. продовольственные комиссии (уездные, городские и областные). Названия могли варьироваться (продовольственная комиссия, продовольственный комитет, комиссия по выяснению запасов и т. д.), но суть этих учреждений оставалась одна – они должны были постоянно отслеживать состояние запасов продуктов и товаров во вверенном им уезде (городе, области) и докладывать об этом выше по инстанциям (в городские управы и думы, центральный продовольственный комитет, губернатору области и т. д.). Продовольственные комиссии также подписывали разрешения на вывоз товаров за пределы города/области.

Общими вопросами снабжения населения занимались местные городские думы и городские управы (как их распорядительный орган) вкуче с городской головой. Столкнувшись с ростом цен, городские думы обычно шли по пути установления фиксированных такс на товары. Вопросы нехватки товаров решались путем организации закупок товаров в разных местах (для чего часто требовалось сначала получить ссуду), а после закупки требовалось еще добиться у военного ведомства разрешения на пропуск вагонов из пункта, где товары закуплены, в пункт назначения. И здесь городские думы и даже местная администрация (включая губернаторов областей и генерал-губернаторов) выступали исключительно в роли просителей. Все, что они могли сделать – непрестанно посылать ходатайства и ждать, когда их просьбы будут, наконец, услышаны.

В свою очередь, губернатор области, с одной стороны, выступал как лицо, наделенное властью (утверждал таксы, выдвинутые думами; мог запретить или разрешить вывоз товаров из города/области; выдавал разрешения конкретным лицам на вывоз товаров и т. п.), с другой стороны, также выступал в роли просителя, сопровождая ходатайства городских дум своими собственными и обращаясь в вышестоящие инстанции. Решения военного губернатора области могли быть поддержаны, а могли быть остановлены генерал-губернатором, который также выступал и как лицо, облеченное властью, и в роли просителя. В конечном итоге все замыкалось на командующего Маньчжурской армией, управление военных сообщений, министерство путей сообщения и министерство финансов. Любое ходатайство проходило длинную бюрократическую цепочку, и даже будучи удовлетворенным на бумаге, далеко не всегда было выполнено в реальности. Как же действовал весь этот механизм? Проследить деятельность органов власти по решению продовольственного

¹ *Шиловский М.В.* Русско-японская война и Сибирь // Русско-японская война и геополитические проблемы современной России. Новосибирск, 2004. С. 33–37; *Шиловский М.В.* Влияние русско-японской войны 1904–1905 гг. на внутреннюю жизнь Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. 2004. № 2. С. 12–16; *Фабрика Ю.А.* А для Сибири сугубо... (о вкладе сибиряков в Русско-японскую войну) // Русско-японская война и геополитические проблемы современной России. Новосибирск, 2004. С. 45–58; *Горелов Ю.П.* Сибиряки на защите Отечества в войнах начала XX века. Кемерово, 2003; *Голик А.А.* Дальневосточное казачество в русско-японской войне 1904–1905 гг. // Новейшая история России. 2015. № 3. С.22–28; *Катцина Т.А.* Организация и меры социальной поддержки населения Сибири в годы Русско-японской войны // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2015. № 2. С. 68–79; *Ширшов М.А.* Организация призрения семей воинских чинов призванных на действительную службу в годы русско-японской войны 1904–1905 гг. (по материалам Иркутской губернии) // Вопросы студенческой науки. 2018. № 6 (22). С.139–143.

вопроса можно на примере хлебного кризиса, разразившегося на Дальнем Востоке в 1905 г. и в первую очередь ударившего по Амурской области.

Примечательно, что Амурская область была единственной на Дальнем Востоке, производящей свой собственный хлеб и фураж. Тем не менее дополнительно ввозился еще и хлеб из Маньчжурии. Поскольку с началом войны хлеб в Маньчжурии стал активно скупаться интендантством, его поставки в Амурскую область сократились. Опасаясь возникновения дефицита, военный губернатор Амурской области Дмитрий Васильевич Путята запретил вывоз хлеба за пределы Амурской области, но это весьма негативно сказалось на продовольственном обеспечении соседних областей. Соседи начали осаждать вышестоящую инстанцию, то есть Приамурского генерал-губернатора. Так, например, Николаевский городской голова телеграфировал Приамурскому генерал-губернатору 21 апреля 1904 г., что для обеспечения населения Николаевска городской управой было заготовлено в Благовещенске 10 тысяч пудов яричной муки и 1 тысяча пудов крупы, но губернатор Амурской области запретил вывоз. «Принимая во внимание, что весь громадный район, обнимающий значительную часть Хабаровского уезда, Удский уезд и Приморский горный округ, не производит вовсе продуктов хлебопашества и что Амур представляет в настоящее время единственный возможный путь снабжения Николаевска и всего района, то ввиду ожидаемого большого движения грузов по этой реке впоследствии пополнение скудных запасов может оказаться не выполнимым и вызвать голод»². Опираясь на вышеприведенные аргументы, городской голова Николаевска просил губернатора о пропуске муки из Благовещенска. Приамурский генерал-губернатор (на тот момент им был Н.П. Линевиц) приказал военному губернатору Амурской области Д.В. Путяте немедленно разрешить вывоз муки, закупленной Николаевской городской управой, что тот и вынужден был сделать.

В течение 1904 г. из Амурской области по требованию Приамурского генерал-губернатора производился вывоз муки (как, впрочем, и других продуктов) в Приморскую область. К слову отметим, что военный губернатор Приморской области генерал-майор А.М. Колюбакин уже 11 февраля 1904 г. издал постановление о запрете вывоза продуктов из г. Николаевска «вследствие выяснившихся недостатков продуктов потребления»³, а 23 февраля 1904 г. издал постановление о запрете вывоза продуктов из Хабаровска без разрешения Хабаровской временной городской продовольственной комиссии (за исключением селений Николо-Александровской волости) «вследствие выяснившихся недостатков продуктов потребления в Хабаровске и невозможности в виду текущих военных событий пополнить таковые путем подвоза извне»⁴.

19 ноября 1904 г. военный губернатор Приморской области генерал-майор А.М. Колюбакин издал постановление о запрете вывоза продуктов из всей Приморской области «в виду недостаточного обеспечения потребности населения области наличием продовольственных продуктов и предметов первой необходимости»⁵.

Губернатор Амурской области Д.В. Путята явно был бы рад сделать то же самое (запретить вывоз продуктов из Амурской области), но ему не разрешал Приамурский генерал-губернатор. Приамурского генерал-губернатора, в свою очередь, осаждали власти Николаевска, Хабаровска, Владивостока и других городов и мест Приморской области, поставленные в условия нехватки продовольствия для снабжения населения. Впрочем, пока из Маньчжурии поступал хоть какой-то хлеб и скот, ситуация была еще терпимой. Но в конце года она изменилась. В ноябре 1904 г. амурские мукомолы просили разрешения закупить в Маньчжурии 1,5 млн пудов хлеба. Однако главнокомандующий Маньчжурской армией А.Н. Куропаткин не разрешил, а 22 декабря 1904 г. полностью запретил вывоз зерновых из Маньчжурии.

² Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. 702. Оп. 1. Д. 450. Л. 5.

³ Там же. Л. 63.

⁴ Там же. Л. 16.

⁵ Там же. Л. 20.

Это сразу же обострило ситуацию с хлебом не только в Амурской области, но и по всему Дальнему Востоку, т. к. хлеб для других районов края доставлялся из Благовещенска. Например, Хабаровская продовольственная комиссия, рассмотрев 3 марта наличные запасы муки в Хабаровске (всего не больше 37 тысяч пудов, а в месяц требовалось 30 тысяч) постановила немедленно закупить муку у Благовещенского мукомола Тетюкова в количестве 20 тысяч пудов муки 1-го сорта (по цене 2 р. 25 к.) и по 40 тысяч пудов муки 2-го и 3-го сорта (по цене: 2-й сорт – 2 р. 5 к., 3-й сорт – 1 р. 85 к.), итого 100 тысяч пудов муки и дополнительно 50 тысяч пудов овса⁶. Нетрудно заметить, что цены, предложенные Хабаровской продовольственной комиссией г-ну Тетюкову, были значительно выше тех, которые он мог получить за свою муку, продавая ее в Благовещенске по установленной городской думой таксе (1-й сорт – 2 р. / пуд, 2-й сорт – 1 р. 80 к., 3-й сорт – 1 р. 60 к.). Далее последовала серия ходатайств приамурскому генерал-губернатору с просьбами разрешить вывоз из Амурской области означенной муки и овса, иначе «население г.Хабаровска рискует остаться без этих необходимых продуктов»⁷. В итоге генерал-губернатор (к этому времени им стал Ростислав Александрович Хрещатицкий) разрешил вывезти Хабаровской продовольственной комиссии для нужд г. Хабаровска 100 тысяч пудов муки и 25 тысяч пудов овса⁸.

Прошения, аналогичные прошению хабаровской продовольственной комиссии, были, мягко говоря, не единичными, вследствие чего в телеграмме от 8 марта 1905 г. на имя военного губернатора Амурской области Д.В. Путяты Приамурский генерал-губернатор Р.А. Хрещатицкий сообщал, что «единственным источником для продовольствия Северо-Уссурийского края за невозможностью доставки хлеба из Западной Сибири является Амурская область», а поэтому он дает разрешение на вывоз продовольствия из Амурской области в Хабаровск и Николаевск «исключительно по ходатайствам местных продовольственных комиссий»⁹.

Тут же со стороны местных продовольственных комиссий посыпались прошения. 5 апреля 1905 г. Амурский областной продовольственный комитет дал добро на вывоз для Хабаровской продовольственной комиссии 62 тысячи пудов муки, 20 тысяч пудов овса; для Николаевской продовольственной комиссии – 10 тысяч пудов овса, 3 тысячи пудов крупчатки; для Владивостокской продовольственной комиссии – 44 пудов муки, на Сахалин – 3 тысячи пудов муки и тысячу пудов овса¹⁰.

7 апреля 1905 г. Амурский областной продовольственный комитет доложил военному губернатору Амурской области Д.В. Путяте о количестве запасов муки и овса в области, итоговые цифры запасов Амурской области «за удовлетворением потребностей крестьянского населения» были исчислены в 1.455 тысяч пудов муки и зерна и 995 тысяч пудов овса. Для потребностей приискового населения предлагалось оставить 550 тысяч пудов муки и 400 тысяч пудов овса, для города Благовещенска – 30 тысяч пудов муки и 100 тысяч пудов овса, итого в области, по мнению комитета, необходимо было оставить 850 тысяч пудов муки и 500 тысяч пудов овса. Излишек продукта комитет определил в 605 тысяч пудов муки и 495 тысяч пудов овса. Между тем уже поступило заявок на вывоз зерновых от правительственных и общественных учреждений, в Приморскую и Забайкальскую области, для торговли за пределами области на 1 271 876 пудов муки и 1 154 550 пудов овса. «Из вышеизложенного выясняется, что свободной наличности в области муки и овса для вывоза за пределы области недостаточно для удовлетворения всех, поступивших в комитет, прошений и заявлений. Областному продовольственному комитету придется быть крайне осторожным при ближайшем рассмотрении отдельных ходатайств и значительно таковые сократить»¹¹.

⁶ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 148. Л. 43.

⁷ Там же. Л. 54.

⁸ Там же. Л. 57.

⁹ Там же. Л. 10.

¹⁰ Там же. Л. 20.

¹¹ Там же. Л. 38–39 об.

Военный губернатор Амурской области Д.В. Путята, в свою очередь, доложил губернатору Приморской области А.М. Коллюбакину в телеграмме от 9 апреля 1905 г., что из Амурской области можно вывезти 605 тысяч пудов муки и 495 тысяч пудов овса, но по уже выданным удостоверениям вывоз должен составить 1 272 тысячи пудов муки и 1 154 550 пудов овса¹². Риторический вопрос «что делать» повисал в воздухе. Не удовлетворять ходатайства? А какие? По какому принципу?

Между тем просители были весьма настойчивы. 2 мая 1905 г. Николаевский городской голова Курбатов прислал паническую телеграмму на имя военного губернатора Приморской области А.М. Коллюбакина о том, что он еще в марте просил о вывозе из Благовещенска в Николаевск 50 тысяч пудов муки и 20 тысяч пудов овса, а сейчас ситуация еще хуже, т. к. «запасы Николаевска истощены благодаря совершенно неожиданному выпуску Сахалина более 2000 ссыльных... в городе нет мяса, рыбы, сахару, крупы, овса, ячменя, отрубей, жмыхов, сена». За все требуемые продукты уже заплачено, «задержание оплаченных продуктов, для доставки которых зафрахтованы уже пароходы, вызовет помимо голодовки большие убытки торговцам и городу»¹³.

Военный губернатор Приморской области А.М. Коллюбакин, в свою очередь, просил Приамурского генерал-губернатора Р.А. Хрещатицкого удовлетворить ходатайство городского головы Николаевска Курбатова, аргументируя тем, что у Николаевска нет собственных запасов скота и продовольствия, все получают из Амурской области и Забайкалья, и если не разрешить ввоз продовольствия, то «как город, так и уезд могут оказаться в невыносимо тяжелых условиях, поправить которые окажется поздним»¹⁴.

Канцелярия Приамурского генерал-губернатора составила 11 мая 1905 г. общий список прошений и дала свои предложения на этот счет (сколько отпустить из просимого). Для удобства анализа информации данные занесены в таблицу 2.

Таблица 2

Ходатайства на вывоз муки и овса из Благовещенска¹⁵

	Просимое количество муки, пуд	Рекомендовано отпустить, пуд	Просимое количество овса, пуд	Рекомендовано отпустить, пуд
Николаевская прод. комиссия на нужды г. Николаевска	165 185	100 000	126 495	100 000
Владивостокская прод. комиссия на нужды г. Владивостока	137 500	100 000	77 500	40 000
Хабаровская прод. комиссия на нужды г. Хабаровка			25 000	
Для нужд крестьянского населения Амурской обл., прииска и рыбалки	177 076	100 000	235 400	75 000
На прииски, для населения по р. Шилка, почтосодержателям Забайкальской обл.	51 500	25 000	9 000	5 000
Для крестьянского населения Мариинского об-ва	11 000	10 000	5 000	5 000
Всего	542 761	335 000	478 395	225 000

Генерал-губернатор Р.А. Хрещатицкий дал разрешения на вывоз муки и овса из Благовещенска в соответствии с предложениями канцелярии. В принципе, канцелярия рекомендо-

¹² РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 148. Л. 22–24.

¹³ Там же. Л. 149–150.

¹⁴ Там же. Л. 148 об.

¹⁵ Там же. Л. 196–197.

вала скромно, оставив существенный резерв. Но ситуация с зерновыми менялась буквально каждый день. 18 мая 1905 г. председатель Амурского областного продовольственного комитета докладывал военному губернатору Амурской области Д.В. Путяте: «Неожиданное объявление высоких цен на зерно будущего урожая для выкупа интендантством приостановило подвоз в город крестьянами оставшегося у них от последнего урожая довольно значительного количества зерна (до 220 тысяч пудов). Означенный излишек Продовольственным комитетом был принят во внимание при первоначальных расчетах при распределении запасов зерновых продуктов для потребностей Амурской области и для вывоза за ее пределы. Как упомянуто выше, к вывозу за пределы области в Приморскую область и в Забайкалье было предназначено 605 тысяч пудов муки и 495 тысяч пудов овса, из числа которых разрешено к вывозу Приамурским генерал-губернатором 516.570 пудов муки и 410.600 пудов овса... При изменившихся в настоящее время обстоятельствах, не могу не признать более осторожным теперь же временно прекратить вывоз муки за пределы области и в то же время заявить Приамурскому окружному интендантству об ограничении дальнейшего закупа в области овса, не превышая количества, оставшегося невывезенным, т. е. до 85 тысяч пудов. В случае если по выяснении результатов урожая текущего года у местного населения окажутся излишние запасы, по удовлетворению всех местных потребностей, главным же образом по окончании подвоза муки и овса на прииска области, то от Вашего Превосходительства зависело бы вновь разрешить вывоз излишков за пределы области. Необходимым считаю доложить Вашему Превосходительству, что, насколько мне известно, местные мукомолы, в надежде на выгодную для них операцию вывоза муки за пределы области, всеми силами стараются пристроить свои запасы вне области – уклоняясь от сделок с местными коммерсантами и золотопромышленниками, отказывая в продаже муки даже старым своим клиентам. В подтверждение вышеуказанного докладываю Вашему Превосходительству, что до 15 сего мая Продовольственный комитет выдал удостоверений на вывоз муки на прииска на 150.825 пудов, а по имеющимся у меня сведениям до сего времени золотопромышленники отправили на прииска всего лишь 91.325 пудов единственно вследствие отказа мукомолов в продаже им муки»¹⁶.

20 мая 1905 г. канцелярия Приамурского генерал-губернатора, собрав ведомости всех заявленных требований, составила очередной список заявок. Согласно этому списку, от города Николаевска за февраль–апрель 1905 г. поступило ходатайств на 334 700 пудов муки и 187 000 пудов овса; от г. Хабаровска – на 196 500 пудов муки и 164 800 пудов овса; для крестьянского населения Приморской области, на прииска и рыбалки от разных лиц и учреждений поступило ходатайств на 177 076 пудов муки и 235 400 пудов овса; от Мариинского об-ва – на 11 тысяч пудов муки и 5 тысяч пудов овса. Канцелярия рекомендовала дать по 100 тысяч пудов муки и овса Николаевску, 100 тысяч пудов муки и 75 тысяч пудов овса Приморской области, 10 тысяч пудов муки и 5 тысяч пудов овса Мариинскому об-ву. А вот Хабаровску, которому ранее были разрешены к вывозу 162 тысячи пудов муки и 50 тысяч пудов овса, вывозить их запретили¹⁷.

Итак, Амурской областной продовольственный комитет предлагал запретить (хотя бы временно) вывоз муки и овса за пределы области. При этом его продолжали заваливать ходатайствами как городские продовольственные комиссии Приморской области, так и другие учреждения и частные лица. По крайней мере, часть этих ходатайств приказывал удовлетворить приамурский генерал-губернатор, с чем местные органы не всегда были согласны. Например, крестьянин П.Г. Дудевский просил разрешить ему вывезти из Благовещенска в Хабаровск для нужд местного населения 10 тысяч пудов муки, после усиленной переписки генерал-губернатор дал добро, но Благовещенский продовольственный комитет отказал¹⁸.

¹⁶ РГИА ДВ. Ф. 719. Оп. 1. Д. 5. Л. 109–110.

¹⁷ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 148. Л. 211–212.

¹⁸ Там же. Оп. 1. Д. 475. Л. 68–76.

Количество того, что область могла дать без ущерба для себя, явно расходилось с количеством того, что от нее требовали. В июне 1905 г. городская управа Благовещенска также вышла с ходатайством к военному губернатору Амурской области и Приамурскому генерал-губернатору о запрещении вывоза хлеба за пределы Амурской области.

Военный губернатор Амурской области Дмитрий Васильевич Путята телеграфировал 11 июня 1905 г. Приамурскому генерал-губернатору Ростиславу Александровичу Хрещатицкому: «По данным, сообщенным в областной продовольственный комитет полицейскими учреждениями, в настоящее время имеется в наличии зерновых продуктов и фуража в городе Благовещенске муки и зерна 480 тысяч пудов, овса 440 тысяч пудов; из этого количества для потребностей городского населения и для снабжения казачьего населения верховых округов и приисков верхне-амурского горного округа необходимо отделить 330 тысяч пудов муки и зерна и 220 тысяч пудов овса. В районе крестьянских селений за выделением необходимого для местных потребностей имеется свободной наличности 150 тысяч пудов муки и зерна и 75 тысяч пудов овса, таким образом, в настоящее время в области имеется возможности к вывозу за пределы области муки и зерна до 300 тысяч пудов, овса 315 тысяч пудов. Все это количество назначено для удовлетворения разрешенных Вашим В-вом ходатайств разных частных лиц и казенных учреждений.

По 11 сего июня продовольственный комитет согласно разрешения Вашего В-ва выдал удостоверения на вывоз за пределы области 872 тысячи пудов зерна и муки и 687 тысяч пудов овса, и сверх сего продовольственному комитету предстоит удовлетворить сообщенные мне Вами за последнее время разрешения на вывоз в Приморскую область и в Забайкалье 311.500 пудов зерна и муки и 604.025 пудов овса и ячменя нижеследующим лицам и учреждениям, поименованным в телеграммах за № 697, 714, 737, 785, 806: Червову муки 5 тысяч, овса тысячу; Лукину муки 10 тысяч, овса 2 тысячи; Суворову муки 30 тысяч; Сонхинфу муки 8 тысяч; Чинхаю муки 40 тысяч, ячменя 20 тысяч, овса 10 тысяч; Хунхинной по 2 тысячи муки и овса; Явшуку муки 2 тысячи; Кулакову 300 муки; Яразову 200 муки, 300 овса; Сяфантуну 13 тысяч муки; Кровякову 125 овса; Дудевскому пшеницы 60 тысяч, ячменя 15 тысяч; Надецкому 25 тысяч муки и 10 тысяч овса. Независимо сего по ходатайству Приморского губернатора 10 тысяч муки, Ханшунчейну 15 тысяч, Кунсту 30 тысяч, Бородину 10 тысяч муки. Также по ходатайству генерала Казбека муки 50 тысяч.

Сообразуясь с состоянием наличных свободных запасов зерновых продуктов и фуража Продовольственный комитет, удовлетворяя полностью разрешенные Вашим В-вом ходатайства о вывозе за пределы области овса, лишен возможности полностью удовлетворить таковые ходатайства в отношении вывоза хлебного зерна и муки ввиду того, что в области зерна и муки имеется в свободной наличности значительно менее испрашиваемого к вывозу, что вынуждает меня просить указания Вашего В-ва кому из числа вышепоименованных лиц, учреждений ходатайствующих о вывозе зернового хлеба и муки оказать предпочтение и в каких размерах, сделав вместе с сим распоряжение о собирании путем точной регистрации сведений о действительном количестве в области хлебных зерновых продуктов и фуража. Не замедлю о последующем донести Вашему В-ву в самый кратчайший срок».¹⁹

Итак, свободной наличности муки и зерна в Амурской области было в начале июня 1905 г. на 300 тысяч пудов, овса 315 тысяч пудов, а по утвержденным Приамурским генерал-губернатором ходатайствам требовалось вывезти 1183 тысячи пудов муки и зерна и 1291 тысячи пудов овса. Даже если предположить, что Д.В. Путята показывал меньшее количество свободной наличности зерновых, чем было, то не в четыре же раза!

15 июня 1905 г. Военный губернатор Амурской области Д.В. Путята доложил в телеграмме Приамурскому генерал-губернатору, что на 15 июня в Благовещенске имеется 437 тысяч пудов муки и зерна и 440 тысяч пудов овса, из этого количества запрошено для вывоза за пределы области 240 тысяч пудов муки и 224 тысячи пудов овса, в свободной наличности остается 197 тысяч пудов муки и зерна и 216 тысяч пудов овса. Для обеспечения местных потребностей до нового урожая потребуется минимум 330 тысяч пудов муки и

¹⁹ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 145. Л. 2–5.

220 тысяч пудов овса. У крестьян в свободной наличности имеется хлебного зерна и овса по 150 тысяч пудов. «Вышеприведенные данные свидетельствуют, что свободные наличные запасы в области овса в настоящее время едва достаточны для удовлетворения собственных нужд Амурской области, почему полагаю, что при нынешнем положении сего дела, вывоз за пределы области овса должен быть по возможности ограничен, в зависимости от подвоза в город овса из крестьянских селений. Что касается муки, то за недостатком наличных запасов для удовлетворения местных потребностей, вывоз таковой должен быть теперь же совершенно прекращен, иначе населению Амурской области угрожает серьезная опасность в отношении довольствия хлебом. Представляя о вышеизложенном на благоусмотрение Вашего В-ва считаю необходимым доложить, что по разрешениям Вашим мною допущено к вывозу за пределы области через посредство Амурского областного продовольственного комитета хлебного зерна и муки 814.225 пудов и овса 753 тысячи пудов. Остались неразрешенными ходатайства о вывозе зерновых продуктов и фуража за пределы области только поименованные в телеграмме от 11 июня № 467 в общем на 271.500 пудов зерна и муки и на 64.425 пудов овса»²⁰.

20 июня 1905 г. Д.В. Путята телеграфировал генерал-губернатору: «До поступления зерна нового урожая на рынок, вывезти что либо сверх прежде данных разрешений не представляется возможным без обречения населения на голодовку. Видны на урожай вследствие упорной ненастной погоды ухудшаются»²¹.

В следующей телеграмме Д.В. Путята в решительных выражениях уже просто потребовал запретить вывоз зерновых из Амурской области: «Мясники, мукомолы, поощряемые высокими ценами, разрешениями вывоза, без меры поступающими за подписями разных лиц и учреждений от имени генерал-губернатора, закрывают лавки, рассчитывают рабочих, в городе волнение. Только строжайшее воспрещение Вашего В-ва закупа в Амурской области предметов первой необходимости в состоянии предупредить кризис, о чем ходатайствую, также ходатайствую о предоставлении мне по ст. 10 военного положения права в случае надобности прибегать к реквизициям»²². 21 июня 1905 г. военный губернатор Амурской области Д.В. Путята издал постановление о запрете вывоза из Амурской области пшеницы, ярицы и муки²³.

В своих следующих телеграммах Д.В. Путята докладывал приамурскому генерал-губернатору, что на 21 июня 1905 г. в Благовещенске в свободной наличности всего 227 тысяч пудов муки и зерна и 146 тысяч пудов фуража, в Амурской области в целом – 407 тысяч пудов муки и зерна, 221 тысяч пудов фуража. Между тем для обеспечения населения до нового урожая необходимо оставить 180 тысяч пудов муки и 80 тысяч пудов фуража. Необходимо также завезти на прииска в текущую навигацию не менее 150 тысяч пудов муки и 100 тысяч пудов фуража, а всего для обеспечения местных потребностей необходимо выделить из имеющихся запасов 510 тысяч пудов муки и 225 тысяч пудов фуража. «Из вышеизложенного Ваше В-во изволите усмотреть, что наличных свободных запасов муки в области уже в настоящее время недостаточно для полного удовлетворения местных нужд Амурской области, что и заставило меня теперь же отдать постановление о прекращении дальнейшего вывоза муки и хлебного зерна за пределы области. Что касается овса, то вывоз такового из области разрешается с большою осторожностью, сообразуясь с размерами подвоза овса в город из Зейского района. В заключение считаю не лишним довести до сведения Вашего В-ва, что по текущее число, как видно из прилагаемой при сем таблице, остается еще неудовлетворенных требований на вывоз из области муки и зерна 293 тысячи пудов и фуража 60 тысяч пудов»²⁴.

²⁰ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 145. Л. 20–22.

²¹ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 475. Л. 132.

²² Там же. Л. 135.

²³ Там же. Л. 143.

²⁴ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 145. Л. 18.

А какова же была реакция Приамурского генерал-губернатора? В ответных телеграммах Ростислав Александрович журил Д.В. Путятю за то, что сообщаемые им данные «не проверены с достаточной строгостью», указывал, что другие области тоже нуждаются в хлебе, а поэтому «вполне признавая необходимость обеспечения населения Амурской области, я полагаю справедливым, при настоящем трудном положении, оставить в этой области лишь такое количество хлебных припасов, которое необходимо для пропитания населения области до урожая текущего года, а все остальное, сверх этого количества, должно быть выпущено в те местности, которые нуждаются в хлебе и которые по закрытии навигации по Амуру не могут быть снабжены»²⁵.

В общем, подтяните потуже пояса. А что же благовещенские мукомолы? Они тут же подали в городскую думу коллективное заявление, что цены на зерно высокие, и их не покрывает установленная городской думой такса на муку. Раньше недостаток покрывался сбытом муки за пределы области, но теперь «вывоз окончательно запрещен, да и цены на зерно возросли до 1 р. 50 к.», поэтому мукомолы предлагают назначить контрагента, дать ему разрешение скупить 150 тысяч пудов муки не ниже 1 р. 50 к. («без такой цены крестьяне зерно не повезут») и далее продавать муку по таксе: 1-й сорт – 2 р. 40 к. / пуд, 2-й сорт – 2 р. 20 к. / пуд, 3-й сорт – 2 р. / пуд, 4-й сорт – 1 р. 60 к. / пуд. Означенную муку продавать городу с июля по сентябрь, «до 1 октября контрагент не имеет права вывоза из закупленного зерна за пределы города ни одного пуда муки»²⁶.

Городская продовольственная комиссия предложила встречные условия: а) контрагент продает муку городу до середины ноября; б) мука должна продаваться по существующей таксе. Городская дума утвердила решение городской продовольственной комиссии. Тогда мукомолы от соглашения с думой отказались. Городская продовольственная комиссия в своем докладе указала, что в течение зимы 1904/05 годов мукомолы заготовили и перемололи 1500 тысяч пудов зерна по цене от 90 к. до 1 р. 20 к. за пуд, так что «назначенная по таксе цена на муку, судя по ценам на зерно, была неубыточна для мукомолов», между тем мукомолы вывезли из города дешевый хлеб и продали на сторону и продолжают это делать даже после запрещения на вывоз хлеба и муки. Например, Ф.К. Кувшинов скупил привезенное в город крестьянами зерно и собрался вывезти хлеб на Зейскую пристань, а торговлю в городе мукой закрыл²⁷. Действия благовещенских мукомолов объяснялись тем, чем продать муку «на сторону» можно было по значительно более высоким ценам, чем в Благовещенске.

Между тем, из-за новых распоряжений Военного губернатора Амурской области уже выданные разрешения на вывоз продуктов из Амурской области стали отбирать или ограничивать. Например, в начале июля задержали вывоз 100 тысяч пудов муки, предназначенных для Владивостока²⁸; отобрали разрешение на вывоз в Хабаровск 40 тысяч пудов крупчатки, выданное братьям Буяновым²⁹; купцу Якову Ранцыну, который еще в декабре 1904 г. закупил для нужд Охотской золотопромышленной компании 25 тысяч пудов муки, 200 пудов сливочного масла, 250 пудов растительного масла, 300 пудов сахара, 100 пудов гороха, 12 пудов перца, 200 пудов табака, разрешили из всего перечисленного вывезти только 15 тысяч пудов муки³⁰ и т. д. В канцелярию Приамурского генерал-губернатора посыпались прошения и жалобы на тему, почему вывоз таких-то продуктов из Благовещенска разрешили, а теперь Амурская областная продовольственная комиссия не дает.

Продолжились и ходатайства разрешить вывоз продуктов из Амурской области для нужд такого-то города. Например, Хабаровская временная комиссия по продовольствию населения города, несмотря на извещения, что вывоз из Благовещенска продуктов запрещен, продолжала настаивать на своем, аргументируя свои слова тем, что городу Хабаровску

²⁵ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 145. Л. 24–24 об.

²⁶ РГИА ДВ. Ф. 719. Оп. 1. Д. 5. Л. 339 об.

²⁷ Там же. Л. 340 об.

²⁸ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 148. Л. 234.

²⁹ Там же. Л. 250.

³⁰ Там же. Л. 260.

«рассчитывать на получение хлеба из урожая текущего года нет оснований, т. к. навигация по Амуру закроется ранее, чем хлеб будет снят и переработан в муку». Поэтому комиссия постановила «вновь ходатайствовать перед канцелярией генерал-губернатора о разрешении вывоза из г. Благовещенска, по всем возбужденным комиссией ходатайствам»³¹.

В июле 1905 г. Благовещенская городская продовольственная комиссия постановила еще раз просить военного губернатора Амурской области о запрещении вывоза хлеба, что тот и сделал. 15 июля 1905 г. Д.В. Путята телеграфировал приамурскому генерал-губернатору, что в Благовещенске зарегистрировано по 15 июля всего 307 тысяч пудов зерна, к вывозу выдано разрешений на 183 тысячи пудов, необходимо для приисков и казачьего населения 120 тысяч пудов, для обеспечения Благовещенска – 150 тысяч, т.о. не хватает для удовлетворения местных потребностей и для вывоза 424 тысячи пудов, в связи с чем Д.В. Путята просил указаний «оставить ли в области количество зерна, необходимое для ее обеспечения, если нет, то кому в каком количестве надлежит выдать удостоверения»³².

Характерно, что того же 15 июля приамурскому генерал-губернатору поступило прошение о вывозе из Благовещенска муки для крепости Владивосток, поскольку «во Владивостоке сильно ощущается недостаток в муке, и цена на нее возросла до 8 рублей за пуд»³³.

23 июля 1905 г. городская продовольственная комиссия осмотрела пароходы «Кочубей», «Андрей», «Петербург» и нашла, что все они грузятся мукой и скотом по разрешениям на вывоз, выданным Амурским областным продовольственным комитетом, причем четыре разрешения выданы «уже при существовании запрещения на вывоз» в количестве 10 тысяч пудов муки. «Рассмотрев все приложенное Продовольственная комиссия в заседании 28 июля пришла к такому заключению, что раз запрещение вывоза является недействительным, то и деятельность Городской комиссии по наблюдению является бесплодной и, по-видимому, для Продовольственного комитета нежелательной, и поэтому постановила: отказаться от собирания сведений о наличности предметов первой необходимости и наблюдением за их вывозом, о чем доложить городской думе и просить городского голову донести г-ну военному губернатору Амурской области».³⁴

Можно себе только представить, каким невообразимым количеством злоупотреблений, взяток и пр. сопровождалась вся эта выдача разрешений канцелярией Приамурского генерал-губернатора, Амурским областным продовольственным комитетом и другими подобными инстанциями, особенно если учесть, что заявки в два-три раза перекрывали наличное количество зерновых продуктов! Разрешить, запретить, снова разрешить, разрешить не все, а часть. Разрешение должно быть получено от приамурского генерал-губернатора, от военного губернатора Амурской области, от Амурского областного продовольственного комитета, от Благовещенской городской продовольственной комиссии. Военный губернатор Амурской области запрещает вывоз, а Приамурский генерал-губернатор снова разрешает, на пристани пароходы грузятся контрабандой (городской продовольственный комитет запретил, а Амурской областью разрешил), благовещенские мукомолы довольно потирают руки (муку на сторону можно продать в 2–3 раза дороже, чем в городе), городская управа драматически восклицает, что ничего не может сделать...

Итог был предсказуем. 2 августа 1905 г. Д.В. Путята, вновь излагая цифры наличности зерна и овса, просил генерал-губернатора о «совершенном прекращении теперь же вывоза муки за пределы Амурской области»³⁵. 18 августа 1905 г. городская продовольственная комиссия констатировала, что в г. Благовещенске закрыты все мучные лавки кроме трех, и последние «не в состоянии будут удовлетворить потребностям всего населения». А причина дефицита в том, что мука продается местным спекулянтам и увозится из города. Было

³¹ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 144. Л. 72.

³² Там же. Д. 145. Л. 29.

³³ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 144. Л. 70.

³⁴ РГИА ДВ. Ф. 719. Оп. 1. Д. 5. Л. 341 об.

³⁵ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 145. Л. 30–30 об.

решено просить Военного губернатора Амурской области запретить вывоз муки с мельниц и частных складов Благовещенска.³⁶

Дело с мукой разрешилось только в сентябре 1905 г., когда новый командующий Маньчжурской армии Н.П. Линевиц разрешил свободную покупку скота и провианта в Маньчжурии. 15 сентября 1905 г. Приамурский генерал-губернатор Р.А. Хрещатицкий снял все запреты на вывоз продуктов из Амурской области и прекратил деятельность продовольственных комитетов.³⁷ С дефицитом продуктов было покончено.

Итак, как же можно оценить деятельность органов власти по решению продовольственного вопроса, и могла ли она быть более эффективной? Думаю, приведенных примеров вполне достаточно, чтобы сделать ряд выводов. Во-первых, очевидно неэффективной оказалась стратегия местных органов власти бороться с повышением цен на продукты и товары посредством установления такс. Либо они оказывались слишком низкими, и торговцы предпочитали сбывать товары в места, где за них можно было выручить более высокую цену (а в условиях дефицита такие места всегда находились), либо, наоборот, таксы удовлетворяли аппетиты торговцев, но совершенно не удовлетворяли население.

Во-вторых, столь же посредственную оценку можно поставить органам власти за решение продовольственного вопроса, чему, однако, были как субъективные, так и объективные причины. В условиях прекращения нормального функционирования Транссибирской магистрали и резкого снижения общих запасов продовольствия (как вследствие закупок интендантства, так и сокращения или прекращения поставок из Маньчжурии) дефицит товаров был неизбежен. Попытки хоть как-то решить эту проблему простым запретом вывоза товаров за пределы конкретного города/области наталкивались на то, что всегда находились «агенты низшего порядка». Так, из Амурской области продовольствие вывозилось в пользу Приморской области, из Приморской области – в пользу северных уездов (Охотск, Анадырь, Камчатка и т. д.), из городов – в пользу уездов, приисков и рыбалок и т. д. В конечном итоге получалось, что значительно уменьшившийся запас пытались более-менее справедливо распределить между всеми нуждающимися, но реально «побеждал» тот, кто проявлял большую настойчивость и/или как-то мог воздействовать на лица, принимавшие решения об отпуске/вывозе товаров. В Приамурском генерал-губернаторстве «конечной инстанцией» выступал приамурский генерал-губернатор, но на основании чего он принимал решения – остается только предполагать, поскольку причины принятия решений в документах не отражены (и варианты «личных связей» или дачи взятки, например, лицам из канцелярии генерал-губернатора представляются тут наиболее достоверными).

Наверняка не проходила без злоупотреблений и деятельность продовольственных комиссий (по крайней мере, в части выдачи разрешений на вывоз товаров), но с другой стороны, сами эти комиссии были поставлены между двух огней, когда одновременно, например, военный губернатор области требовал прекратить вывоз продуктов, а генерал-губернатор, напротив, требовал удовлетворить такие-то ходатайства. Приведенные выше архивные документы свидетельствуют, что даже получение «визы» генерал-губернатора не гарантировало удовлетворение ходатайства; с другой стороны – даже после запрещения на вывоз хлеба и фуража из Амурской области он продолжал вывозиться, что и подтвердила городская продовольственная комиссия г. Благовещенска, официально расписавшись в своей беспомощности.

В условиях тотального дефицита продуктов местные органы власти (до приамурского генерал-губернатора включительно) фактически просто «тянули одеяло на себя», и, например, приамурский генерал-губернатор Р.А. Хрещатицкий требовал от военного губернатора Д.В. Путяты выдать ему хлеб, невзирая на местные обстоятельства, а Д.В. Путята, в свою очередь, периодически игнорировал приказы Р.А. Хрещатицкого, считая, что вывоз хлеба из Амурской области приведет к катастрофическим последствиям для местного населения (что летом 1905 г. и наблюдалось).

³⁶ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 144. Л. 119–120.

³⁷ Там же. Л. 74.

Таким образом, можно констатировать, что местная власть (включая приамурского генерал-губернатора и военных губернаторов областей) оказалась в годы Русско-японской войны в весьма неудобном положении: устранить причины дефицита продуктов она не могла, справиться со спекуляцией местных торговцев и промышленников – тоже. Более того, в попытках решить продовольственную проблему власти пошли по пути создания дополнительных бюрократических структур (продовольственные комитеты и комиссии). С одной стороны, это кажется логичным (кто-то же должен фиксировать наличие продовольствия в условиях его нехватки?), с другой стороны вместо устранения истинных причин дефицита (на что местные власти повлиять не могли) создавались некие дополнительные инстанции, имевшие право запретить или разрешить вывоз продовольствия. Соответственно, автоматически увеличивалась как длина бюрократической цепочки, по которой должно было пройти прошение о выдаче продуктов, так и количество возможных злоупотреблений. В итоге мы имеем реальный дефицит продуктов, с которым местные власти ничего сделать не могут, и очень бурную деятельность в плане бюрократическом. Справедливости ради стоит сказать, что на своем уровне каждая из ветвей власти пыталась снабдить «свое» население продовольствием, но поскольку дефицит был огромным, в итоге разразилась «война всех против всех».

А что же центральные ведомства? Власть высшая явно в первую очередь думала о военных делах и в последнюю – о нуждах населения Сибири и Дальнего Востока. Главнокомандующий Маньчжурской армией А.Н. Куропаткин запретил вывоз продовольствия из Маньчжурии для нужд населения Дальнего Востока, спровоцировав жесточайший продовольственный кризис, но на все прошения отменить запрет, отвечал отрицательно. Внешне это выглядит логично (нужды армии в условиях войны – превыше всего), но если принять во внимание, что Русско-японская война имела чисто имперский характер, то получается, что элита ради неких высших геополитических целей привычно готова жертвовать интересами населения. «Денег (в нашем случае и продовольствия тоже) нет, но вы держитесь», – как-то так. Примечательно также, что власти на местах в этих условиях не многим отличаются от населения – реальных рычагов воздействия на ситуацию у них нет, и они также оказываются в роли просителей (только более высшего порядка). А конфликт между уровнями местной власти (в нашем случае, между приамурским генерал-губернатором и военным губернатором Амурской области) напоминает ссору двух помещиков – только взаимные обвинения завуалированы казенным языком телеграмм.

Весьма показательно также, что продовольственные кризисы в регионе мгновенно разрешились после прекращения войны и возобновления поставок товаров из Маньчжурии. Неудивительно, что население Сибири и Дальнего Востока весьма настойчиво требовало прекращения войны (в статье рассмотрена только одна из проблем, вызванных войной, в действительности их было гораздо больше). Местные власти справиться с этими проблемами не могли, центральная власть – не хотела. Видимо, элита пребывала в убеждении, что население как-нибудь перетерпит. То, что это было весьма ошибочное заблуждение, показала революция 1905–1907 гг. К сожалению, ни из Русско-японской войны, ни из революции элита надлежащих выводов не сделала.

Литература

Голик А.А. Дальневосточное казачество в русско-японской войне 1904–1905 гг. // Новейшая история России. 2015. № 3. С. 22–28.

Горелов Ю.П. Сибиряки на защите Отечества в войнах начала XX века. Кемерово, 2003. 388 с.

Катцина Т.А. Организация и меры социальной поддержки населения Сибири в годы Русско-японской войны // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2015. № 2. С. 68–79.

Фабрика Ю.А. А для Сибири сугубо... (о вкладе сибиряков в Русско-японскую войну) // Русско-японская война и геополитические проблемы современной России. Новосибирск, 2004. С. 45–58.

Шиловский М.В. Русско-японская война и Сибирь // Русско-японская война и геополитические проблемы современной России. Новосибирск, 2004. С. 33–37.

Шиловский М.В. Влияние русско-японской войны 1904–1905 гг. на внутреннюю жизнь Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. 2004. № 2. С. 12–16.

Ширшов М.А. Организация призрения семей воинских чинов призванных на действительную службу в годы русско-японской войны 1904–1905 гг. (по материалам Иркутской губернии) // Вопросы студенческой науки. 2018. № 6 (22). С. 139–143.

References

Fabrika, Yu.A. (2004). A dlya Sibiri sugubo... (o vklade sibiryakov v Russko-yaponskuyu voynu) [And for Siberia purely... (on the contribution of Siberians in the Russian-Japanese war)]. In *Russko-yaponskaya voina i geopoliticheskie problemy sovremennoi Rossii*. Novosibirsk. Pp. 45–58.

Golik, A.A. (2015). Dalnevostochnoe kazachestvo v russko-yaponskoi voine 1904–1905 gg. [The Far Eastern Cossacks in the Russo- Japanese War of 1904–1905]. In *Noveishaya istoriya Rossii*. No. 3. Pp. 22–28.

Gorelov, Yu.P. (2003). *Sibiryaki na zashchite Otechestva v voynakh nachala XX veka* [Siberians defending the Homeland in the wars of the early twentieth century]. Kemerovo. 388 p.

Kattsina, T.A. (2015). Organizatsiya i mery sotsialnoi podderzhki naseleniya Sibiri v gody Russko-yaponskoi voiny [Social support of Siberian population during the Russo-Japanese war]. In *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoi Sibiri i na Dalnem Vostoke*. No. 2. Pp. 68–79.

Shilovskii, M.V. (2004). Russko-yaponskaya voina i Sibir [The Russo-Japanese war and Siberia]. In *Russko-yaponskaya voina i geopoliticheskie problemy sovremennoi Rossii*. Novosibirsk. Pp. 33–37.

Shilovskii, M.V. (2004). Vliyanie russko-yaponskoi voiny 1904–1905 gg. na vnutrennyuyu zhizn Sibiri [Influence of Russo-Japanese war of 1904–1905 on the life of Siberia]. In *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. No. 2. Pp. 12–16.

Shirshov, M.A. (2018). Organizatsiya prizreniya semei voinskikh chinov prizvannykh na deistvitelnuyu sluzhbu v gody russko-yaponskoi voiny 1904–1905 gg. (po materialam Irkutskoi gubernii). [The organization of charity for families of military ranks called up for active service during the Russo-Japanese war of 1904–1905 (on the materials of Irkutsk province)]. In *Voprosy studencheskoi nauki*. No. 6 (22). Pp. 139–143.

Статья поступила в редакцию 02.09.2019 г.